

салон

ПОДПИСКА НА
ОБЪЕДИНЕН
"ГАЗЕТЫ И ЖУР
ИНДЕК

ВОССТАНАВЛИВАЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ изобразительного искусства — в основном, иконы и фрески, я никогда не оставался в стороне от того, чем занимались реставраторы архитектуры. Впервые столкнулся с их работой совсем молодым, в 1959 году, когда поехал в первую свою командировку: к празднованию 1100-летия Новгорода мы восстанавливали иконостас Софийского собора. Меня потрясло, что город, в котором после войны оставалось сорок жителей и четыре дома, к этому времени был полностью отстроен, а последствия войны не было видно. Столкнулись мы с ними, когда нас привели в сарай, где находились иконы из Софийского собора — израненные осколками снарядов, местами пробитые насквозь. Как это восстанавливать? Но нами руководил замечательный реставратор Виктор Васильевич Филатов и мы были полны энтузиазма. К тому же речь шла не об окончательной реставрации, а о придании иконостасу экспозиционного вида. Никогда потом у меня не было такой "жаркой" работы — мы вставляли новое дерево на место поврежденных пулями иконных досок и левкасии их. Словом, все как положено, и только в одном случае решили отступить от правил реставрации. В икону XVI века из Декусного чина, прямо в сердце Святому Дмитрию, попал крупный осколок, и мы не стали вынимать его. Оставили как символ. Теперь каждый проходящий в собор видит, что такое война, которая не шадит даже святых. Конечно, познакомились мы с людьми, которые без всякой шумихи в сжатые сроки восстанавливали новгородские памятники. Ведь и Нередица была снесена, как говорится, под корешок, и Никола на Липне разрушен. Новгород чудовищно пострадал. Псков мой любимый все-таки меньше, поскольку немцы надеялись "возродить" там город рейха. Новгород поднимали из руин замечательные специалисты, Л.М.Шуляк я вообще считаю корифеем, она до ста лет дожила и до конца дней своих работала.

Послевоенный Новгород стал преамбулой моего знакомства с архитектурной реставрацией. Позднее, рабо-

тая в Пскове, я прошел в святая святых этой профессии. С Юрием Павловичем Спегальским, к сожалению, лично мало общался, а с Всеволодом Петровичем Смирновым, Михаилом Ивановичем Семеновым, Борисом Степановичем Скобелевским у меня большая часть жизни прожита. Это были настоящие подвижники, пусть и с непростыми характерами. Я им говорил: "Вы такие мастера — как три богатыря. Зачем же друг с другом соревнуетесь? Веник сломать невозможно, но если вытаскивать по ветке, то своего добьетесь". И ломали их те, кому они мешали. Но все-таки в нужный момент коллеги сплывались. А потом на Псковщине появился архимандрит Алипий, который призвал реставраторов на восстановление Псково-Печерского монастыря, и сам с ними работал. Есть замечательные фотографии, где он в рясе с мастерком кладет камни, штукатурит стены обители. В Пскове я понял, что архитектурная реставрация — это искусство. Скобелев, Смирнов учились у профессоров великопленной петербургской архитектурной школы, советовались с ними. Из Ленинграда, из Москвы приезжали видные ученые на специальные комиссии. В этих архитектурных советах участвовали и москвичи. Алексей Воробьев практически все время жил во Пскове, и архитектор Лев Катаев, работавший над проектом памятника Александру Невскому.

В Москве я тесно общался со Львом Артуровичем Давидом. При всех своих французских странностях (его предок осел в России после 1812 года), он был влюблен в свое дело и о московской блокадной архитектуре рассказывал, как о любимой женщине. Несколько раз я видел и слышал Петра Дмитриевича Барановского, которого считал эталоном специалиста, который отвечает за спасение культурного и, прежде всего, архитектурного наследия. Реставрация архитектуры это ведь часть и нашей работы по восстановлению памятников изобразительного искусства. Потому что производения, которыми мы занимаемся, в основном происходят из дворцов и усадеб. Вообще реставраторы,

которые занимаются русской усадебной архитектурой, по сути, связаны со всей культурой России. Однажды я ехал со знакомым англичанином из Костромы, и он всю ночь мучил меня расспросами: "Объясни мне, в чем тайна русской усадьбы? Мы же понимаем, что и ваша победа над французами в 1812 году, и победа над немцами заложены были там. Все ваши Толстые, Тургеневы — из усадеб. В чем тайна? Почему так полюбили?" Действительно, все начиналось там. Поэтому для меня хорошие архитекторы-реставраторы — люди особые. Безусловно, должна быть крепкая основа, знание истории архитектуры. Но если нет творческого порыва, нет любви к этому делу, то все превращается в халтуру. А сегодня многие, попирая принципы профессионализма, памятники просто предают, отказываются от них.

Со Львом Артуровичем Давидом, о котором я уже говорил, меня познакомил Виктор Кулаков: мы тогда работали вместе во Всероссийском реставрационном центре. Виктор был учеником Барановского, восторженно рассказывал о Петре Дмитриевиче, и еще часто говорил: "Обязательно познакомьтесь с Олегом Журинским. Он молодой, но свято чтит продолжателем цеховых традиций". Каждая случайность закономерна, и мы с Олегом просто не могли не познакомиться. Тем более что во времена "тоталитарного режима" приходилось преодолевать множество проблем, но существовало и единство в этой борьбе. Беседа недавно с замечательным журналистом Сергеем Разгоновым, мы вспоминали, как его тезка Сережа Чехов объединил нас всех в борьбе за стрелку между Пречистенкой и Остоженкой. Не удалось нам тогда ее отстоять, и стоит там, вблизи храма Христа Спасителя болванка русофобу Энгельсу. Подворье Лопухинских сломали. Конечно, большая утрата, но ведь хотели уничтожить здесь и всю белокаменную застройку XVII века вплоть до Всеволожского переулка. Сережа Чехов, может, из-за этой борьбы так рано и ушел из жизни. Он проявился в моей мастерской, его трясло: надо пикеты ставить! Мы

Савва ЯМЩИКОВ

Созидающие

тогда телеграмму Брежневу послали. Помогло! И вот как раз на одной из таких встреч единомышленников я познакомился с Олегом Журинским. К сожалению, наше общение было прервано моей болезнью. Но все в руках Божьих. Так сложилось, что один из спонсоров, а я бы сказал, и редактор за православную культуру — Шалва Петрович Бреус выступил инициатором строительства храма и монастыря в Батуми. Он пригласил меня для консультаций и спросил, кого привлечь из архитекторов и иконописцев. Я в архитектурной порекомендовал Олега Журина, а исполнителем икон, фресок и мозаик стал архимандрит Зинон. Так что сейчас Олег и я заняты общим делом. Но даже во время своей долгой болезни я восторгался работами Олега. Его визитной карточкой, если можно так сказать, стало восстановление Казанского собора на Красной площади. Этот собор — один из первых храмов, куда наш фонд "Сохранение" в девяностые годы возвращал иконы. Там же, на Красной площади, Олег восстанавливал Иверскую часовню. Без нее, без Казанского собора Москву теперь трудно представить.

Олег ЖУРИН:

«У ПАМЯТНИКА-ЖИВАЯ ДУША!»

Завтра-русская

Савва ЯМЩИКОВ. Олег, мы с тобой ровесники. И я хочу задать вопрос, которым начинаю все свои беседы с людьми создающими. Что ты считаешь главной движущей силой, которой руководствуешься в работе? Что наиболее важно в том деле, которое ты делаешь умелыми и чистыми руками?

Олег ЖУРИН. Я бы сказал, что без внутренней руководящей идеи вообще ничего создать нельзя. На меня огромное влияние оказал Петр Дмитриевич Барановский, с которым я познакомился в 1968 году. Тогда я впервые, встречая разных людей, понял, что работа может быть подвижничеством. Человек не просто выполняет какие-то чертежи, ведет исследования. Нет, профессиональное дело становится образом его жизни. Он этим дышит, живет и чувствует физическую боль при уничтожении памятников. Петр Дмитриевич называл подпольные объекты своими детьми. Он столько их потерял и все-таки продолжал стоически каждый раз, всеми доступными ему способами спасать, отстаивать. Более того, стремился не только физически спасти, включить в список охраняемых и оставить на попечение чиновников. Ничего подобного. Петр Дмитриевич тут же приставлял к памятнику кого-то из своих учеников, сотрудников, или брал эту заботу на себя. И продолжал работать до тех пор, пока не спасет храм, объект и от износа времени, и от безобразной эксплуатации. А верх счастья — когда добьется полной реставрации. Он за каждым памятником видел громадный пласт истории. Видел искалеченные человеческие судьбы, и вместе с тем возвышенные деяния, которые люди творили. При каждом большом сооружении или комплексе Барановский норовил сделать экспозицию, маленький музейчик, чтобы привлечь сочувствующих, добровольцев, придать реставрации общественный смысл. Таким образом создавался климат сочувствия, близости памятника всем людям, которые так или иначе прикасались к его спасению. Подобный способ работы нельзя объяснить одним профессиональным интересом. Это подвижничество в полном смысле слова. Не дело, но деяние. Он помогал окружающим его людям находить смысл жизни. Человек равнодушный, бездушный уходил в тень и больше не появлялся в реставрации. А тот, кто чувствовал сопричастность, кто сочувствовал усилиям Петра Дмитриевича, его мучениям, его бескорыстности, в конце концов, видел вдохновляющий пример и готов был все свои силы отдавать благородному делу. Так прежде святые люди создавали вокруг себя артели учеников, последователей и становились центром спасительной, оживляющей силы. Это было очень важно, особенно в те времена, когда православная Церковь находилась в загоны и почти невозможно было найти духовного учителя, но когда остро ощущалась необходимость именно в святом. Петр Дмитриевич был таким человеком. Недаром он стал легендой. Не думая о себе, мог жертвовать всем, чтобы спасти выдающееся сооружение. Потому что чувствовал душой, насколько сохранение и спасение памятников важно для истории России, для нас, для будущих поколений. Он открывал глаза и молодым, которые всегда его окружали.

С.Я. Тебе довелось вместе с ним в каких-то проектах участвовать?

О.Ж. К сожалению, познакомился я с Петром Дмитриевичем довольно поздно, но с 1969-го до 1973-го мы активно занимались реставрацией Крутицкого подворья. Под его руководством проводили исследования так называемых Приказных палат. Оказалось, что это Певческий корпус. Потом Митрополического дома, Воскресенской церкви, которая, в общем-то, в основе является Оленинским произведением. В процессе этой работы сформировалась очень интересная дружная творческая группа, а рядом ее был, конечно, Петр Дмитриевич.

С.Я. Да, он умел собрать вокруг себя людей. Ничего общего с массовиком-затейником. Именно духовный центр.

О.Ж. Он очень требовательный человек, жесткий. С ним спорить было себе дороже. В то же время, если по существу спорили, отстаивавшие что-то, он уважал в тебе оппонента, даже если ты молод и задора у тебя больше, чем знаний.

С.Я. Редкое качество.

О.Ж. Он все очень хорошо понимал. Если ты заблуждаешься, но искренне, всегда оценит и подбодрит. Но человека равнодушного и этим равнодушием распространяющего вокруг серую унылость, он не принимал. Такие уходили в сторону, даже если обладали знаниями, были подготовлены профессионально.

С.Я. Олег, значит, твой первый большой проект — это Крутицы?

О.Ж. Да, там под руководством Петра Дмитриевича я выполнил отдельные объекты.

С.Я. Какие из последующих работ тебе наиболее близки, навсегда остались в памяти?

О.Ж. Знаешь, Савва, у Петра Дмитриевича я научился к памятникам относиться как к детям. В большой хорошей семье они разные по таланту, по возрасту, по силе, по красоте, но все равно это дети, к которым относятся с теплым чувством и желанием растить их. Поэтому, какой бы ни доставался памятник архитектуры, относился я к нему со вниманием и уважением. И тогда он раскрывал свои тайны.

Всегда находилась уйма препятствий. Прежде всего связанных с проживанием в памятнике учреждений или людей. Препятствия чинили все организации, даже творческие союзы, которые занимали памятники архитектуры. Они тут же из коллег превращались в соперников. Например, в церкви Троицы в Листах размещалась 17 скульптурных мастерских, и выселить их оттуда было чрезвычайно трудно, хотя все понимали, что памятник выдающийся. Кстати говоря, терпеливо перемалывая всю эту чиновничью волокуту, которая мешает жить, я научился у Петра Дмитриевича. Усилия, которые затрачиваешь на выселение, на всякие ходатайства, заявления, просьбы, отнимают четыре

С.Я. Так и в нашей реставрации станковой живописи.

О.Ж. На все остальное времени очень мало оставалось. И когда, наконец, заканчивается двор и начинается работа, тебе ставят такие временные рамки, в которых раскрыть по-настоящему памятник очень тяжело. Потом начинается борьба с подрядчиками и со строителями, их прежде всего занимает, как всучить плохой материал и выдать его за хороший. Как сделать работу насоем и выдать ее за настоящую реставрацию. Как сделать побыстрее, закрыть в хорошую процентовку. Только в последнюю очередь интересует их результат. У архитектора больно наполняется сердце, поскольку он один. Заказчику это нужно чисто формально, подрядчику — для денег. Управление охраны памятников — для галочки. А реставратору-реставратору нужно, потому что он чувствует себя родственником этому сооружению, которое защищает изо всех сил. Сначала защищал от физических невзгод, потом от людей равнодушных. А вот поговорить с памятником по душам времени в обрез остается. Точно так же было у Петра Дмитриевича, и это его всегда страшно удручало.

С.Я. Олег, ты сказал о церкви Троицы в Листах, а я, живя поблизости, часто проезжая мимо этой красавицы, всегда боялся, что уберут ее, снесут. У меня в этом районе два памятника, перед которыми всегда снимаю шапку. Это Троица в Листах и храм равноапостольного князя Владимира в Старых садах. Ведь результаты нашей работы, как у настоящего спортсмена пота, никогда не увидишь. Моего друга, легендарного хоккеиста Славу Старшинова, я наблюдал после игры. Тело страшно травмированное, но когда играет, то есть творит — он в полете. Так же и трудность настоящей реставрации людям обычно неизвестна, а виден результат. Думаю, не я один кланяюсь мысленно тем людям, которые спасли Троицу в Листах. Ведь на нее, так же, как на арбатскую церковь Симеона Столпника, Гришин посылал: мол, надо кресты убрать, а, в конце концов, и вообще сломать.

Олег, я понимаю, дети все любимы, иногда даже более дорог тот, у которого что-то в жизни не получается. Ты выделяешь какие-то памятники? Что еще, кроме Троицы в Листах, осталось в душе?

О.Ж. Воспоминается такой тяжелый эпизод. Петр Дмитриевич еще, слава Богу, был жив, и мы с ним начинали отстаивать от сноса два очень ценных памятника архитектуры в Кожеевниках: палаты одностолпные XVII века (Кожеевники, 19), и палаты двустолпные примерно середины XVIII века (Кожеевники, 21). Оба попадали под снос из-за строительства центральной насосной канализационной станции, которую с Крутицкой набережной почему-то решили перебросить на другую сторону реки. Был, наверное, резон: объем увеличился... Во всяком случае, мы с Петром Дмитриевичем, наверное, год два или три пробивали все преграды в ГлавАПУ, в Моссовете и других инстан-

циях, лишь бы сохранить эти две точки. Оттуда выселялись жители и какое-то учреждение. Одновременно мы начали исследовать, фотографировать палаты. Художник Карл Карлович Лапало был "тенью" Петра Дмитриевича. Он ходил за Барановским — зарисовывал, делал красивые, подчас фантазийные реконструкции, которые очень здорово действовали на чиновников. Приносишь в очередной кабинет такой рисунок: "Понимаете что вы сисите?" Если у Петра Дмитриевича в 30-е годы не всё выходило, уж больно пусное время было, то в 60-е годы эти картинки действовали. Мы пробивались и через Посохина, и через Макаревича, и через Нестерова, всю эту команду главного архитектора Москвы. С Петром Дмитриевичем они вынуждены были считаться. У него и друзья были очень весомые, например, академик Петранов-Соколов. Петр Дмитриевич брал его под ручку и говорил: "Игорь Васильевич, нужно помочь этому делу. Мы с вами в понедельник пойдем". Игорь Васильевич с большой бородой разведенной, как у Курчатова, со Звездой Героя Соцтруда. ГлавАПУ, да и не только оно, вынуждены были принять вне очереди: Петранов-Соколов пришел! Когда мы врывались в очередной кабинет, там уже Петр Дмитриевич отодвигал всех и говорил до тех пор, пока не вывели из чиновника нужной бумаги — протокола совещания, или постановление важного. Без бумаги не уходил.

С.Я. Тяжело. Но как говорят про теперешнюю эпоху — бывали хуже времена, но не было подлей. Когда мы с тобой сейчас сошлись в работе, ты принес мне два проекта. Один — восстановление старообрядческого храма в Лефортово. За него я, в общем, спокон, тем более, что сейчас наше старообрядческое церковновозрождение все-таки пользуется авторитетом, и спортивную организацию, в конце концов из храма уберут. Второй проект — воссоздание храма Николы Стрелецкого. Почему он так запал мне в душу и сердце? В Москве были такие храмы, без которых сама суть нашего города неполна. Прежде всего это первый стрелецкий храм.

О.Ж. Храм гвардейского Стрелецкого стрелецкого полка, полка при государевом стрелном.

С.Я. Храм, стоящий рядом с Кремлем, напротив Боровицких ворот, неподалеку от храма Христа Спасителя. И тогда сил Барановского и Петранова-Соколова было недостаточно, чтобы самого Посохина поставить на место. А сейчас полная разнузданность. Понятно, что все эти Горбачевы, Ельцины и команда нашу страну поставили перед пропастью. Но деятели культуры? Бородинка и Медведи не были образцами человеческих добродетелей, но посмотрите, кому они содействовали? Микеланджело, Донателло, Пьеро делла Франческа, Рафаэль, Тициан, Леонардо. А тут вкладывают только в Шилова. Русское изобразительное искусство настолько богато, настолько велико. Я уж не говорю о литературе, о музыке. А в самом центре Москвы почему-то должна быть галерея лишь одного художника. В мире нет ни одного специально построенного музея художника, это я говорю со всей ответственностью. Ни Леонардо да Винчи, ни Тициана, ни Микеланджело. Музеи только в мастерских умерших художников. Вот была у Родена великопленная мастерская — пожалуй, там теперь музей. И музей Пикассо тоже открыли в мастерской художника. Однажды в Тоскане, где-то около Арrezzo мой друг итальянец показал на какой-то домик: "Здесь Микеланджело жил". Спрашиваю: "Теперь музей?" — "Зачем? У него музеи по всей Италии, по всему миру". Или, скажем, сохранился дом Пьеро делла Франческа в Сансепольро, и там сделали музей, но никого не строили специально. А у нас музей Шилова, который все расширяется и расширяется. Уже и Музей изобразительных искусств отодвигается на задний план. И самое главное, ведь из-за этого нет возможности реконструировать храм Николы Стрелецкого. Но я верю, что, если суждено России существовать, то по проекту, который ты сделал, церковь будет поставлена. Сейчас обходятся часовней, насколько я понимаю. Но хватить уже часовен. Они делались по случаю, а отнюдь не по поводу разрушения памятника. А буквально в 100 метрах от галереи — дом, в котором жил ве-

ликий Серов. Я помню, как лет 15 назад, когда началась перестройка, мы на коленях умоляли сделать мемориальный музей в доме, где жил и умер Валентин Александрович. В домике обретались его наследники, хранился вариант "Похищения Европы", другие работы. И надо-то было вложить тысяч 10 долларов. Ничего не получилось. Вот здесь мы переходим к болезненной проблеме. У меня своя позиция по поводу приватизации памятников. Я считаю, что ответственным за неё должно быть государство. Матвиенко в бытность исполнелем поставила вопрос так: выбирать — или памятник разрушить, или мы его отдадим Абрамовичу. В данном случае я выбираю первое. Потому что Абрамович его разрушит быстрее, естественное старение все-таки медленнее происходит, и за это время что-то может измениться к лучшему. Почему не ставят вопрос иначе: отобрать у Абрамовичей все ими украденное, и на эти деньги, всплатив зарплату врачам и учителям, государство восстанавит памятники? Ведь никто из олигархов не возьмет разрушающийся памятник и вкладывать в него не станет. Возьмут готовенькое. Сейчас модно требовать "свободу Ходорковскому". Я не устану повторять: в его миллиардах пусть разбираются финансовые органы. Но как шустрый комсомолец Ходорковский, никого не спросив, а может, кому-то вложив в лапу, присвоил в Колчанном переулке бывшее здание МГК комсомола? Между прочим, особняк стиля модерн начала прошлого века, и стоит не дешёвое — а он и рубля не потратил на него. Я хожу по своим переулкам, вокруг Маросейки, Покровка и вижу эти особняки. Не подойдешь, не подъедешь, собаки лают, охрана.

Я против приватизации памятников. Но, Олег, главную роль в этом деле играют государственные органы и люди, от которых зависит судьба памятников. Потому что они иногда бегут, словно телега впереди лошади. Кто разрешил приватизировать Церетели Манежную площадь и Александровский сад? Разве подумали о том, можно ли рядом с могилкой Неизвестного солдата "зверинец" ставить? Одна у нас главная могила Неизвестного солдата. Остальные — скромные звездочки серебряные, разбросанные по России. Я перед ними тоже останавливаюсь и склоняю голову, но получається, можно наплевать на самое святое. А сколько разрешенных подписали ответственные за охрану памятников! Им не жалко — пусть берут! Как в пословице, которую очень любит Солженицын: увяз котокот, и всей птице пропасть. Мне очень хотелось бы, Олег, чтобы ты высказал свое отношение к этому произволу.

О.Ж. Вообще это идет по всей России, но в Москве приобрело самые неприглядные и масштабные формы. Меня больше всего возмущает то, что из столицы Русского государства сделали Рио-де-Жанейро.

С.Я. Скорее Гонконг, в Рио-де-Жанейро еще и своя классика сохранилась.

О.Ж. Да, совершенно не своиственные ей функции и формы внесли в нашу столицу, а они стали главными и определяющими.

С.Я. У них и названия соответствуют. Строят громаду, и это, видите ли, "дом-патриарх".

О.Ж. Вот-вот. Своего рода глумление. Во многих европейских столицах есть площади, улицы, где проходят праздничные шоу, представления, но никто архитектуры не уродует. Не ставят на площадях и улицах потешные безобразные фигуры, как это сделано в Москве на Манежной. Решили в одну кастрило свалить все: тут и могила Неизвестного солдата, и памятник Георгию Жукову, и тут же паноптикум звериный.

С.Я. Здесь же и сам Манеж, который помещал и "гигорен".

О.Ж. Совершенно верно. Манеж — памятник победе в 1812 году, и прекрасный, старейший в России университет. Наконец, здесь же Кремль.

С.Я. Кстати, рядом и XX век — неплохой дом архитектора Жолтовского.

О.Ж. Устроили шоу базарное, ярмарку. Одним движением опустили планку столичности. О чем думает московское правительство, когда берет яму и себе и всем москвичам? Какая же, к шутам, Москва столица? Петербург в этом случае явно перевешивает. Там хоть сохранился полностью исторический центр, сохранили масштабность, величие некое. А какое величие сейчас в Москве? На одном Кремле все держится.

С.Я. Олег, я, кстати, считаю, что разрушительная акция на Манежной не менее страшна, чем чечулинское варварство, когда "Россию" строили, церкви Зарядья сносили, потому что Чечулину было чем оправдываться: атеистический тоталитарный режим. А сейчас все эти церетели со свечками в церковь ходят.

О.Ж. Лицмерие полнейшее, фарисейство. Оно больше всего бесит. Ты прав, Савва. Конечно, ответственные за происходящие безобразия в большей степени именно те чиновники, которые их допускают. Ответственны и профессионалы-архитекторы, находящиеся у руля этой политики в Москве. Ведь самые главные вредители и враги истинно русской архитектуры — коллеги мои, архитекторы. Они или сознательно ее рушат, или по невежеству. И то и другое порождает враждебное отношение к делу. Так же, как, скажем, сознательные враги медицины — плохие врачи, а сознательные враги религии — лицмерные священники. Иногда в частных беседах архитекторы, которые занимаются новым строительством, созданием этих

монстров, подсмотренных в иностранных журналах и перенесённых на московскую почву, говорят: "Да что мы сделаем? Мы под Лужковым". А кто вас заставлял "ложиться" под Лужкова? Если вы сами это с удовольствием делаете, значит, вы и виноваты. Значит, вам выгодно — самоутвердиться можно, да еще получить "бабки" немалые. Потом такой едет на Соловки или в Кизи, делает набросочки, акварельки. Привозит, показывает: "Вот видишь, как я ценю архитектуру древнюю". Это же лицмерие. Человек такой полностью лишен морали.

С.Я. Эти люди, Олег, путают верноподданность с лизоблюдством. Я сейчас перечитывал изданное полностью письмо Жуковского после смерти Пушкина его отцу, Сергею Львовичу. Преданности поэта императору налицо. И послужил бы еще, и верный его, императора, слуга. Но когда дело доходило до профессиональных моментов, до поправок в "Борисе Годунове", до эпиграмм на ворье, тут Александр Сергеевич советовался только с Господом Богом и со своей совестью. Вот это настоящий верно-подданный. Вообще я считаю, что все плохое в советской эпохе поддерживали глашатаи культуры, которые "пели" во имя своего благополучия. И за беды страны они не менее ответственны, чем Ягоды и Ежовы. Сейчас то же самое. С тоталитарным режимом как бы покончили, но они продолжают его в уже более подходящих для себя условиях. В условиях так называемой демократии, когда тебя не накажут.

Только и слышишь: "Олигархи, олигархи — все беда от них". Мы начали беседу с моего преклонения перед псковской архитектурной школой реставрации полвекового времени. А сейчас кто "сдает" Псков? Олег, ты только представь — заливает бетоном все площади вокруг Кремля для нового строительства, археологические слои погибают. Кто виноват? Управление культуры, реставрационные участки, "Псковреструкция". Олигархи — они ведь послушники, если им твердо скажут: "Нет!". Но эти "защитники культуры" всё подписывают. Когда был "крутой стол" по Пскову в Обществе охраны памятников, когда Президиум Уранов сказал: "Вы же не согласовали с нами ни одного проекта". А ведь это обязательное. Раньше, если ты не согласовал проект в Обществе охраны памятников и Минкультуры, тебя могли и в тюрьму посадить. Сейчас же все дозволено.

Олег, я знаю, что ты только что приехал с празднования 250-летия заступника земли Русской преподобного Серафима Саровского. И принимаешь участие в работах по созданию мемориала в Курске. Расскажи немного, что делается сейчас в Курске?

О.Ж. Откровенно говоря, сложно рассказывать, поскольку мое участие в этом деле не очень велико. Но опять-таки об олигархах. Есть православные хорошие люди, которые на мои деньги, по своей инициативе предложили отметить то место, где произошло великое чудомалый отрок Серафим упал со строящегося высокой колокольни и остался жив и невредим, поскольку он был избранныком Божиим. И это место решили отметить мемориалом. Я сейчас занимаюсь проектированием, а меценат Вячеслав Киселев субсидирует его выполнение.

С.Я. Молодец! И поскольку мы с трудом выкроил время для нашей беседы, сроки не очень дальние?

О.Ж. Сроки кратчайшие, но в том-то и дело, что порадовать в этих экстремальных условиях гораздо больше стоит, чем вальняно работать себе в удовольствие.

С.Я. Есть такие меценаты. Я считаю, что Шалва Петрович Бреус, с которым мы работаем, — один из них. Его ведь и Нижний Новгород интересует. Казалось бы, что ему? Заниматься еще бумажной промышленностью. Но помнишь, как мы поехали в Батуми с ним в первый раз? На меня, например, и на тебя, знаю, самое большое впечатление произвел приют, построенный им вместе с епископом Дмитрием. В нем, кстати, потрясало "розовым" революциями Батуми возвести приют для детей, которых нечем кормить, которых продавали в Турцию! Там нашли кров больше 400 ребят. И родильное отделение уже есть. Всё сделано на высочайшем мировом уровне, и притом без всякой показухи. У нас же, если богат дал на храм, то он считает, что вправе чуть ли не казино там открывать.

Меня знаешь, еще чем поразил Шалва Петрович? Он говорит: "Сейчас надо обязательно упокоить всех незахороненных воинов". Вот в таких меценатов я верю. При них не будет ни изуродованных Манежных площадей, ни чудовищных истуканов из мрамора и бронзы. А что, разве не самориприватизация произошла при установке памятника Петру? Приватизировали стрелку, одно из самых уникальных мест Москвы. С кем советовались? Кто-нибудь посмотрел с Воробьевых гор, что этот истукан? Кремль закрыт, и храм Христа Спасителя? Новшества и перемены вообще допустимы. Например, храм пешеходный, который перекинули к мосту Христа Спасителя с Берсеневки, просто замечательный. А Петр — чудовище. И пусть не говорит, что прикнел к нему, как парижане привыкли к Эйфелевой башне. Эйфелеву башню поставили так, что она не закрывает ни Елисейские поля, ни площадь Согласия. И потом это утилитарный памятник, он нужен был тогда.

Олег, хочется закончить нашу беседу на оптимистической ноте. Потому что таких людей, как Бреус, становится все больше и больше. Я сужу по провинции, где меценаты вкладывают именно в то дело, которому мы служим. И наша задача, я думаю, всечаски им помогать. Извини, Олег, что оторвал тебя от работы в Курске. Спасибо большое за беседу!

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована в Министерстве печати и информации РФ 5 ноября 1993 года
Регистрационный № 012154
Учредитель — А. А. ХУДОРОЖКОВ

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13. Тел. редакции: 726-54-83.
E-mail: zavtra@zavtra.ru ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: http://zavtra.ru/
Служба распространения: 246-88-52 (тел/факс).
Газета отпечатана в ЗАО Красноярская типография, г. Красноярск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 100 000

Главный
Александр П